

Военные письма 1914–1915 гг. штабс-ротмистра Н. А. Томишко (Из петербургского семейного архива)

Публикация Э. М. Сидоровой и И. С. Ратьковского

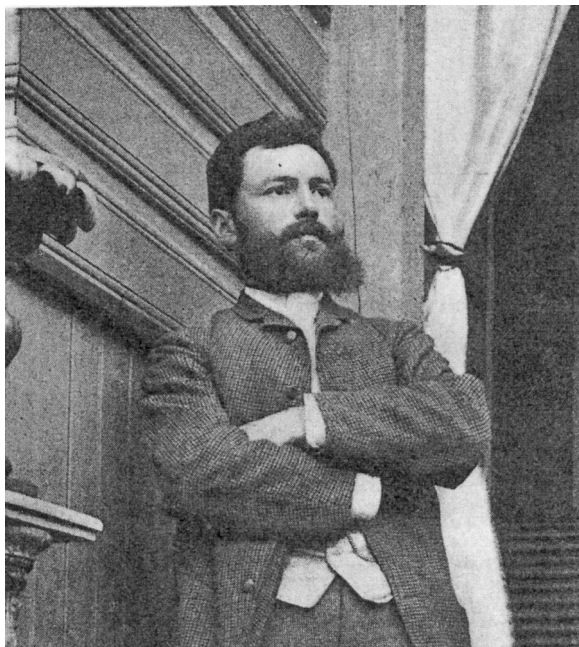
**Сидорова
Эрика Михайловна,**
кандидат
философских наук
(Санкт-Петербург,
Россия)

**Ратьковский
Илья Сергеевич,**
кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Николай Антонович Томишко родился в 1882 г. в Санкт-Петербурге в семье выходцев из Богемии Антона Осиповича и Анастасии-Вероники Томишко. Его отец А. О. Томишко, чех по национальности, окончив с золотой медалью Академию Художеств в 1874 г., посвятил всю свою жизнь архитектурной деятельности. По проектам А. О. Томишко построены памятники русским воинам, погибшим в Болгарии в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Это — знаменитый храм-памятник русским воинам и болгарским ополченцам на Шипке (инженер-строитель А. Н. Смирнов), памятник военно-медицинским работникам, погибшим в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Софии. Также по его проектам возведены различные здания в Санкт-Петербурге: Волковской богадельни, Александро-Мариинского училища для слепых, Училища фельдшерниц и лекарственных помощниц и т. д. Была построена по его проекту и Нижняя дача (Нижний дворец) в Петергофе¹. Большую известность принесло А. О. Томишко строительство по его проекту ряда тюрем российской империи, среди которых особое место занимают знаменитые петербургские «Кресты»².

Николай был пятым ребенком в многодетной (13 детей) семье известного архитектора. Он закончил популярную в Санкт-Петербурге гимназию Карла Мая, а затем Николаевское кавалерийское училище. Это же училище в 1899 г. закончил его старший брат Александр, поэтому можно говорить о складывавшейся в семье военной традиции.

Став кадровым военным, Н. А. Томишко испытал все трудности кочевой жизни. Он служил в 6-м драгунском Глуховском полку³, штаб которого базировался в городе Остроленке на территории Российской Польши, к северо-востоку от Варшавы. Здесь, на окраине Российской империи, в отличие от блестящих гвардейских офице-

**Архитектор А. И. Томишко (1851–1900),
отец Н. А. Томишко (из книги: Кондаков С. Н.
Юбилейный справочник Императорской
Академии художеств. 1764–1914. СПб., 1914)**

ров, несли будничную службу офицеры и солдаты одного из многих армейских полков. Учения, маневры, забота о солдатах и лошадях, проживание на временных квартирах, оторванность от дома, ограниченный мир общения, напряженность личных отношений, интриги — все это во многом было похоже на то, что описывал А. Куприн в повести «Поединок». Именно в этот период сложились отношения Н. А. Томишко с его сослуживцами, со многими из которых его связывала искренняя дружба.

Там, в Остроленке, в звании штабс-ротмистра его и застала Первая мировая война. 6-й драгунский Глуховский полк входил в состав 6 кавалерийской дивизии 23 армейского корпуса 2-й армии генерала А. В. Самсонова. О событиях первого года Великой войны Н. А. Томишко сообщал в письмах, адресованных жене (около

35 штук)⁴. Ответные письма не сохранились. Ценность этих писем, дошедших до нас, состоит не только в том, что о Первой мировой войне сохранилось не так уж много личных документов, но и в непосредственности восприятия военных событий молодым офицером. Эти письма были написаны в землянках и окопах передовой линии фронта и сохранили те чувства, ощущения и переживания, которые испытывал офицер действующей армии. Написанные прекрасным, порою каллиграфическим почерком в период оборонительных боев, затем во время ожесточенных сражений лета 1915 г. они уже представляют собой менее разборчивые записки.

Военные действия, о которых пишет Н. А. Томишко, проходят на ограниченном участке фронта: Варшава, небольшие уездные городки на расстоянии чуть более 100 км от нее (Плоцк, Насельск, Пултуск и др.), рубежи рек Висла и Нарев. Полк был дислоцирован на так называемом Варшавском выступе границы России с Германией и Австро-Венгрией.

Следует отметить, что письма Н. А. Томишко начала войны не сохранились. Так, в переписке не отражено участие полка в Восточно-Прусской операции (август 1914 г.), а о Варшавско-Ивангородской операции (сентябрь–октябрь 1914 г.) только упоминается в связи

Штабс-ротмистр Н. А. Томишко в форме 6-го драгунского Глуховского полка (фотография из семейного архива Сидоровых-Томишко)

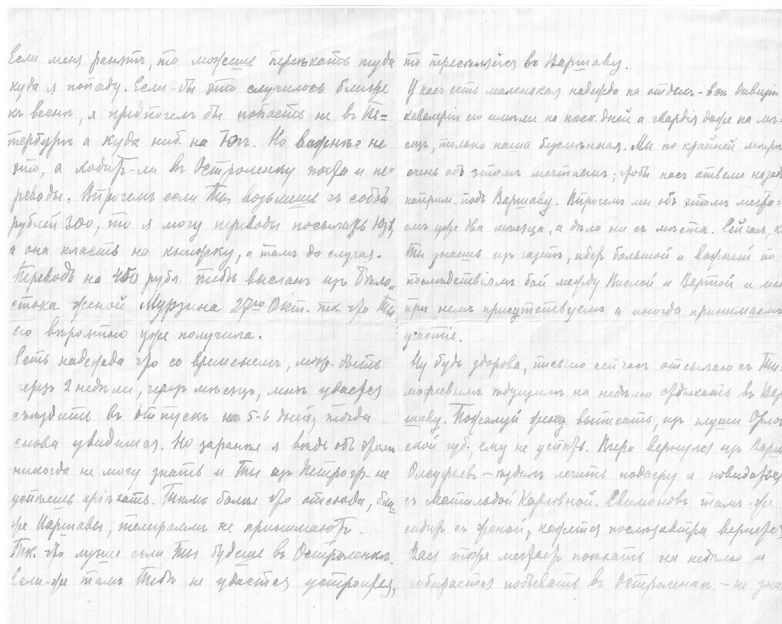
Н. А. Томишко в кругу семьи. Слева сидит жена Е.-Л. У. Шляжис, справа стоит сестра. Посередине дочь Н. А. Томишко и Е.-Л. У. Шляжи. (фотография из семейного архива Сидоровых-Томишко)

с другими боевыми действиями. Возможно, это связано с тяжелыми сражениями, из-за которых письма порою не доходили до адресата, возможно с другими причинами. Лишь в ноябре фронт стабилизировался. К этому времени и относятся первые сохранившиеся письма к жене штабс-ротмистра Н. А. Томишко.

Перечитывая письма Н. А. Томишко, вместе с автором переживаешь события, о которых он пишет. Вначале это довольно спокойные обстоятельные описания самых различных сторон армейской жизни на передовой. Это и налаживание военного быта, и взаимоотношения между офицерами полка, и очередность «сторожовок» на переднем крае и отдыха в ближайших деревнях.

Еще весной 1915 г. в письмах Н. А. Томишко рассуждал о будущем краткосрочном отпуске и встрече с семьей. Отмечал он в письмах и взятие русскими войсками Перемыш-

Письмо Н. А. Томишко

производят особое впечатление отражением картин военных событий. Особенно ожесточенным стал бой 22–23 июля 1915 г., когда 4-й и 5-й эскадроны 6-го драгунского Глуховского полка были спешены для прикрытия отхода 10 армейского корпуса. Из двух эскадронов не вернулся ни один офицер, ни один драгун — все погибли в неравном бою, отбив несколько лобовых атак противника. Одним из погибших в летних боях 1915 г. стал штабс-ротмистр Н. А. Томишко. Тело Николая Антоновича Томишко было привезено в Петербург на Витебский вокзал и захоронено на Римско-католическом кладбище на Арсенальной улице. Могила не сохранилась.

В публикации представлены отрывки из писем, характеризующие военную деятельность Н. А. Томишко и его сослуживцев по полку. Личные моменты переписки опущены. Орфография и стилистические особенности писем в целом сохранены. Исправлены только очевидные описки или непринятые в современном написании сокращения и написания слов. Письма в переписке были пронумерованы, но позднее нумерация сбивается и в публикации не приводится. В семейном архиве Сидоровых-Томишко сейчас хранятся два письма за ноябрь 1914 г. и 29 писем и одна открытка-письмо за март–июль 1915 г. Большинство писем написано на стандартных листах бумаги четким разборчивым почерком, лишь качество бумаги и почерк последних писем заметно хуже.

**Письма штабс-ротмистра 6-го драгунского Глуховского полка
Николая Антоновича Томишко жене Елизавете-Людмиле Устиновне Шляжис**

Из письма от 12 ноября 1914 г.

«Дорогая Норинька⁵, вчера получил Твое письмо, посланное с Марией Антоновной. Неск[олько] дней не писал Тебе, т.к. негде было опустить, а третьего дня послал через одного солдата, почти не надеясь, что дойдет. Что Ты не пишешь, Кисок, получила ли мои письма, где просил заказать и выслать мне погоны, папаху? Заказала ли? На всякий случай, повторяю: погон 2 пары, одну на мундир, другую на пальто, мягкие, защитного цвета с белым кантом и голубой дорожкой. Одну пару петлиц на пальто, голубые, с белым кантом, без пуговиц. Папахи две серые, форменные, размер головы 57 и 55 см., ценой не дороже 20 рубл. Особенно поторопись папаху выслать. Затем приложи баночку консервов или шоколада. Распредели на две посылки и зашей в толстую материю...

У нас есть маленькая надежда на отдых – все дивизии кавалерии его имели на неск[олько] дней, а гвардия даже на месяц, только наша бессменная. Мы по крайней мере очень об этом мечтаем, чтобы нас отвели назад, например, под Варшаву. Впрочем, мы об этом мечтаем уже два месяца, а дело ни с места. Сейчас, как ты знаешь из газет, идет большой и важный по последствиям бой между Вислой и Вартой, и мы при нем присутствуем и иногда принимаем участие...»⁶

Из письма от 14 ноября 1914 г.

«...Мы воюем помаленьку; немцам, кажется, очень попало, больше даже, чем в конце сентября, когда они думали пообедать в Варшаве; на этот раз они там думали поужинать, но их даже и близко не подпустили. У нас потери в полку, ранен, хотя и не опасно, но тяжело, в обе ноги двумя пулями прапорщик Шингарев, родной брат известного депутата Государственной Думы Шингарева⁷. Убиты два нижних чина и ранено пять, в том числе один смертельно и три тяжело. Шингарев погорячился, бросился в шашки и пики на немцев, засевших за каменной оградой, и зря попал сам и загубил нижних чинов. Вообще прапорщики наши молодцы, храбрые ребята, но крайне неосторожны. Для разведки такие люди бесполезны, а то и вредны. Лучшие наши разведчики, напр. Шольц⁸, Волковские⁹, Цветков не теряли за всю войну ни одного человека, а с немцами боролись только засадами. Впрочем, у Шингарева не все дома, и мы всегда за него боялись и предостерегали. Вот Савицкого жаль больше. Читала ли Ты в газетах, что наши драгуны захватили аэроплан с двумя офицерами, бросивший две бомбы в Плоцке. Это было в октябре, примерно 25-го. Это был наш 5-й эскадрон, в частности Савицкий, а эскадрон, отбивший наступление двух рот немцев на вырубку аэроплана — наш 4-й.

...За эти дни мы несколько отдохнули, постояли с большим удобством и погода стала мягче, хотя держится несколько ниже нуля. Настроение стало совсем хорошее...»

Из письма от 22 марта 1915 г.

«Милая моя Норинька! Сегодня Светлое Воскресенье. Христос Воскресе!..

Пасху мы встретили не особенно весело. В Субботу стали на места по своим деревням только в 12 час. дня. Переход был небольшой, только с 8 ч. утра. Но из-за невероятной грязи кухня и обоз отстали, так что до вечера сидели голодные. Перед этим мы шли походом две ночи. Овса не хватило на целых полтора суток из-за той же грязи — лошади жевали соломку. С трудом удалось напечь вместо куличей булок, да скупить по 3–4 яйца на человека. К вечеру я так устал, что лег в 10, спать и спал до 10 ч. утра. В штабе полка священник служил, но от нас далеко, послали только кулич, пасху и яйца освящать. Утром христосовался с эскадромом и был улучшенный обед. В штабе были общие разговни, но Зундблат¹⁰ на всех нагонял тоску. Удивительно черствый господин. Вечером в Субботу приехали два новых офицера с командой на пополнение. Он их с места разругал и заслал в грязную дальнюю деревушку. Вчера я заехал к ним, так у них поесть нечего, до города далеко, лошади устали, послать невозможно, а в деревне ничего не достать, по случаю Праздника паны все сами съели. Впрочем, и в Пултуске все раскуплено и лавки закрыты.

Молодой корнет Кулаков¹¹, произв.[ежденный] из Тверского училища, назначен в наш (5-й) эскадрон. Кажется, симпатичный мальчик и хорошо настроен...»

Из письма от 7 апреля 1915 г.

«...Мы переночевали две ночи около станции Насельце. Вчера мылись в поезде-бане Императрицы Александры Феодоровны¹². Прекрасно оборудованный, чистота — восторг.

Сегодня уйдем дальше к Наупольску¹³ — тоже в тылу еще, а затем дня через три-четыре займем окопы.

Трантц¹⁴ исчез в Варшаву и Обоз 2-го разряда¹⁵ по делам хозяйственным и по своей болезни. Оборачиваюсь снова сам. С «Живым трупом»¹⁶ трения продолжаются, это, конечно, весьма неприятно, т. к. он явно придирается зря, ну, да Бог не выдаст — свинья не съест.

Сегодня в приказе есть два Георгия нижним чинам — это по моему представлению, за взятие Серпца в ноябре. Долго гуляли представления, ну да и то, слава Богу, что дошли. Представил я тогда еще Ягупу и вахмистра к медалям на Георг[иевской] ленте, но приказа о пожаловании медалей вообще еще нет - может быть будет через несколько дней...

...Олсуфьев¹⁷ писал, что скоро вернется. Ждем с нетерпением — с Зундблатом атмосфера становится невозможной. Если он примет полк после Олсуфьева, который вряд ли долго прокомандует, я, наверное, уйду после войны в запас. Зарин обещает свое содействие мне в получении места земского начальника. У него есть связи.

...Поселился я вместе с молодым Кулаковым, организуем общее довольствие. Вероятно, будем и дальше вместе жить...»

Из письма от 8 апреля 1915 г.

«...Вчера мы пошли к своему участку позиции. Шли два перехода, так что сегодня к обеду пришли в район, а завтра займем окопы. Вчера был первый настоящий весенний день, солнце пекло, было жарко в шинелях и лошади потели на быстром движении. Одно время к нашей колонне привязался немецкий аэроплан и бросил три бомбы, разорвавшись далеко в стороне. Я спешивал эскадрон и сделал по нему несколько залпов, от которых он повернул в сторону и ушел вверх; я же от командования несколько охрип. Сегодня шли налегке без шинелей, солнце пекло, места красивые, холмистые, деревни богатые, хорошо обстроенные, на горизонте белеет полоска Вислы. А только что налетел порыв ветра, прогремел гром — и посыпал крупный дождь. Солдаты столпились в воротах [неразборчиво. — *Авт.*] и кричат дождю “ура”, а лошади удивленно переминаются, привязанные к заборам. Пока мы расположились тесновато. Впрочем, у меня с Кулаковым комната чистенькая и уютная.

Попрошу Тебя, Кисок, из Питера прислать мне посылку. Пока мне необходимы: 1) Фляга алюминиевая для питьевой воды. Лучше самая простая, с навинтной пробкой или простой — безразлично, чем обшита или вовсе не обшита — неважно. Плечевого ремня или тесьмы может и не быть. Размер — примерно на $\frac{1}{2}$ бутылки или больше.

2) Кусок чесучи¹⁸ или другой шелковой материи — жесткой и некрашенной (вернее — нелиняющей). Размером хоть $\frac{1}{4}$ арш. ширины, а длины не меньше $\frac{3}{4}$ арш. Это мне для подшивки налобников в фуражку, которые сильно грязнятся.

3) Очки с желтыми стеклами (так наз. “консервы”)

4) Маленькую бутылочку черной туши (буду рисовать пером) и

5) Штук 20 открыток для рисования, какие я Тебе давал.

Прости, что это письмо идет с опозданием, начал его 8-го, а сейчас уже 12; никак не могли встать на место — все переходили из одной деревни в другую, соседнюю, пока наконец сегодня стали так тесно, что лошадей привязать негде — не хватает заборов и деревьев; в комнате теснота, грязь, клопы и тараканы — омерзение. В то же время 10-е и 11-е провели в окопах. Первое сидение в окопах произвело отличное впечатление. Местность похожа на наши Войсковицкие окрестности¹⁹ — белый песочек, вереск и сосновые поросли. Солнце отлично прогревает — сухо. Недалеко лес — дрова есть, вода прекрасная — только попивай чаек. Землянки довольно благоустроенные, с нарами, столиком и стульями. Вчера под вечер пришел ко мне в гости Розенблум²⁰. Сидели мы часа три перед землянкой, пили чай, наслаждались чудным солнцем, пением жаворонков, красивым видом и наблюдали разрывы немецких гранат, со звоном проносившихся над нашими головами и рвавшихся у нас в тылу, шагах в 400–800. Пускают их из-за

Вислы, а перед нами немецкие окопы в 1½–2-х верстах. Молодой Кулаков все гуляет к ним под самые проволочные заграждения с охотниками, бросает ручн. гранаты и мечтает поймать пленных...»

Из письма от 15 апреля 1915 г.

«...Сейчас пишу Тебе сидя дома, так сказать, в тылу, на отдыхе. Немцам что-то забеспокоилось с полчаса назад, совсем недалеко поднялась их “колбаса” — привязной наблюдательный шар, и они начали палить в нашем направлении с двух сторон. Изредка совсем близко рвутся прилетающие откуда-то чемоданы. От них окна моей халупы сопят, как будто от давления сильного ветра, халупа вздрагивает и с потолка сыпется замазка и мел. Один чемодан перелетел через фольварк, где живут Тимофеев²¹ с Петей Волковским и чуть не долетел до наших лошадей. А вдали, верстах в двух, вдоль наших окопов стелется дымок разрывов шрапнели — видно полевая батарея сыплет. Фольварк²², что под боком у нас, горит — прощай, солома, заказанная для наших лошадок, недомолотят ее ни к сегодняшнему вечеру, ни к завтрашнему...

Моя хозяйка шьет на машинке в соседней комнате и только вздыхает «ох» при каждом разрыве. Ко всему люди привыкают — даже в пивницу не думают лезть.

Солдаты вылезли в поле, смотрят, где рвется, лошади дремлют или жуют лениво свою солому. Смешно теперь вспомнить, как в начале войны при звуке какого-нибудь выстрела вдали, чуть ли не весь полк седлал, дежурная часть изготовлялась к обороне, посылались во все стороны разъезды....

Мой эскадрон ушел вчера в окопы с Гаугером²³ (ротм. из запаса I эскадрона), т. к. я неожиданно заболел своей злосчастной малярией или мигренью. Голова по-сейчас болит и слабость ужасная, ломит поясницу. Кроме того чувствую себя прескверно — просто мучают нервы. Такое тяжелое состояние, все валится из рук, не могу взять себя в руки, необыкновенная раздражительность, мысли рвутся, то не слышу, то не вижу. Может быть скоро рехнусь?!

Комбинированный семейный портрет Н. А. Томишко и его жены Е.-Л. У. Шляжис. (фотография из семейного архива Сидоровых-Томишко).

Мне кажется, что это придирки Зундблата на меня действуют, но другие говорят, что он вовсе ко мне не придирается в такой степени, что наоборот мне кажется что он придирается, потому что я изнервничался.

Пиши, кисочек, чаще. Поддерживай своего больного мужа нравственно.

Немецкая “колбаса” поехала вниз. Наверное, сейчас и стрелять перестанут. Завтра, когда Хрулевич вернется из окопов, посоветуюсь с ним — странно, до сих пор никогда еще мигрень не сопровождалась у меня таким нервным расстройством. Надо бром что ли пить. А то даже писать трудно, рука как-то дергается.

Трантц что-то серьезно заболел в Варшаве инфлюенцией. Кажется слег в госпиталь, так что мое командование продолжается на дальнейшее неопределенное время...»

Из письма от 16 апреля 1915 г.

«... Мы сидим там же. Часто сильная артиллерийская канонада идет с обеих сторон, даже по ночам. Потерь пока больших нет, но беспокойно.

Сегодня в 3 часа утра немцы начали пускать в нашу деревню чемоданы откуда-то из-за Вислы. Каждые пять минут прилетал с гулом чемодан и разрывался с грохотом у крайних хат. Один из первых попал в угол хаты, в которой спали Тимофеев и Петя Волковский, отбил кусок стены и взрывом завалил хату и обдал их удушливым дымом. Они выскочили в одном белье. Пете долго пришлось гулять без рейтуз, т.к. их засыпало, а Тимофеев ходил с обалдевшим видом. Счастливо отделались. Теперь мы передвигаемся в другую деревню...»

Из письма от 24 апреля 1915 г.

«... Не писал Тебе четыре дня, некогда было — горячие были. 21-го вечером ушли в окопы, а 22-го на ночь я встал на сторожовку со сборным эскадроном. На рассвете, часа в 4 немцы неожиданно стали наступать и благодаря оплошности наших соседей, проникли мне в тыл и чуть не отрезали. Пришлось отступать в очень тяжелых условиях. К счастью, это нам удалось без особых потерь и к 9 часам утра я снова занял свою сторожевую линию после небольшого боя. В 4 часа дня немцы снова бросились на меня в атаку. У меня было только 4 взвода — человек 120, а их три роты и с того берега им помогала артиллерия. Немцы дошли шагов на 20 до моих застав, когда нам удалось их остановить, а затем и заставить отступить. Особенно тяжело досталось моему взводу 5 эскадрона, но они держались молодцами, выше всяких похвал. Наши потери не маленькие: ранен шрапнелью корнет Кулаков и два драгуна 2-го эскадрона и ружейными пулями трое моего эскадрона. Подлецы-немцы стреляли разрывными пулями, раны очень тяжелые, двое раненых умерли. Под конец боя я получил в подкрепление еще два эскадрона и командовал семью взводами 4 эскадронов с 7 офицерами, в том числе имел под командой двух ротмистров. Словом, командовал половиной наличного полка и отбил все наступления на наш фронт. Теперь чувствую себя совер-

шенно разбитым после сильного нервного напряжения. Полк гордится этим делом и я рад этому. Другой благодарности вероятно не дождусь...»

Из письма от 26 апреля 1915 г.

«... Я Тебе писал 24-го, описывал свое «дело», как отбивал атаку немцев. Кулакова увезли в Варшаву, есть надежда, что рана не опасная, хотя и тяжелая. Вероятно, его эвакуируют в Москву и невеста будет за ним ухаживать, она сестра милосердия. Два нижних чина 5-го эскадрона умерли от ран, остальных эвакуировали. Из взвода 5-го эскадрона четверо представлены к Георгиевским крестам, двое к медалям, Кулакова к Анне 4 степ. По этому поводу мне досталось масса письменной работы — представлений, донесений и хлопот с похоронами, которые справил со всей возможной торжественностью. Не помню писал ли Тебе, что 24-го сдал временное командование 5 эскадронам Крамареву²⁴. Первоначально приказание об этом Зундблада меня очень расстроило в связи с тем, что как мне казалось, придирчивым отношением ко мне, о котором я тебе писал в предыдущих письмах. Я решил выяснить свое положение и если эта сдача эскадрона направлена против меня, немедленно же перевестись в пехоту. Но Зундблат объяснил мне совершенно другие причины и обо мне дал самые лестные отзывы начальнику дивизии. В результате наши отношения улучшились.

Сегодня вернулся из Петрограда Мурзин²⁵, ездивший к своему отцу, привезенному в Максимилиановскую больницу. Положение его тяжелое, бомбой оторвало верхнюю губу, сломало два ребра и ногу и в спине засело 10 осколков. Мурзин привез известия о скором возвращении Олсуфьева, Трантца и Агаларова²⁶. Даст Бог, все вернется в свою колею и наступит разряжение в нашей тяжелой атмосфере.

Барон Бурхард²⁷ вероятно приедет в середине мая — он поехал на несколько дней в Крым, куда отправлена заболевшая Муся с Марией Викторовной. Был в Петрограде разговор обо мне, Олсуфьев сказал, что я приму 3-й эскадрон, а барон — 6-й, производство Крестовоздвиженского²⁸ и Зеленки²⁹ состоится скоро...

У нас здесь тоже чудная весна. Особенно в той помещичьей усадьбе, где мы стоим в дни отдыха. Дом чистенький, светлый, окружен порядочным садом, где сейчас все деревья в цвету — липа, вишни, яблоня. Дорожки расчищены, клумбы засажены — не поверишь, что в трех-четырех верстах рвутся снаряды, свистят пули и люди сидят под землей. Лошадки наши отдохнули, кругленькие, блестят золотым отливом на солнышке. Моих 5-го мне удалось-таки привести в порядок, даже больший, чем многие другие...»

Из письма от 28 апреля 1915 г.

«...У меня снова головные боли, лежал три дня — мучился. Сегодня, кажется, отошло, собираюсь вечером в окопы. Последние дни там у нас постоянно постреливают, после нашего Кулакова ранены еще трое офицеров других частей, в том числе прапорщик

Покрашельский, младший офицер роты Николая Петровича, если помнишь, я с ним встречался в Плоцке в ноябре и от него узнал о Николае Петровиче³⁰. Ранен он кажется серьезно, разрывной пулей в плечо...»

Из письма от 4 мая 1915 г.

«Милая моя Норинька, не писал Тебе чуть ли не неделю, потому что 2-е и 3-е провел в окопах, а перед этим ждал дней 7 от Тебя писем и все не получал. Наконец 1-го вечером, перед самым выступлением в окопы получил Твое письмо...

1-го получил от Юзи посылку — маоки и клюквенный экстракт. Дошло сравнительно благополучно, хотя ящичек и раздавили — только одна бутылочка экстракта разбилась. Будешь писать Юзе, передай мою благодарность, сам я не успею написать, дел у меня миллион: надо свести счета, очень сложные, по эскадрону, да Олсуфьев навалил много работы, а между тем завтра вечером надо опять идти на двое суток в окопы.

Приезд Олсуфьева внес более спокойное настроение в нашу среду, все с облегчением вздохнули. Надолго ли? Кажется он еще не совсем выздоровел и уже думает свидетельствовать комиссией врачей и снова уезжать.

2-го вечером мне пришлось принять командование над полуэскадром и командой разведчиков в тот момент, когда немцы открыли артиллерийский огонь по нашим заставам, а затем пошли в наступление на соседний участок. Видимо их пошло не менее роты (австрийцев) с 2 пулеметами. Но случайно они нарвались на наши силы в 4 раза большие, чем обыкновенно бывали на том участке. Попало немцам изрядно. На мой участок наступления не было, но пули засыпали изрядно, а главное пришлось провести ночь преотвратительно, на голой земле. Морозило — все покрылось инеем, и я замерз в сосульку. Утром принялся за энергичное укрепление своей позиции. Сам работал лопатой, рубил топором кустарник, для расчистки обстрела тянул проволоку. Теперь на руках у меня 4 пузыря — болят. Зато позицию воздвиг неприступную.

Зеленко получил Владимира с мечами, почти никто его не поздравил. Даже друг его Крамарев³¹ теперь говорит о нем с пеной у рта и слезами обиды на глазах. Если его производят в подполковники, мы поздравим друг друга, но не его. Представлен-то он за атаку у Р. Там было три атаки, но он сбежал от всех трех. Представили его потому, что надо в конце концов как-нибудь избавиться от этого дерьма, задерживающего производство других. Так что и Твоего поздравления я ему не передам.

Пока, кончаю письмо, надо писать представления...»

Из письма от 7 мая 1915 г.

«... Не удивляйся моему царापанию, пишу в землянке сидя на полу на соломе, бумагу держу на колене, поза неудобная да и темновато, а выйти наружу не хочется, погода испортилась — ветрено и холодновато.

Я Тебе писал 25-го в Вилейку, но Ты вероятно еще не получила этого письма, что 22-го имел довольно серьезный бой. Я командовал эскадрон в сторожевом охранении и немцы атаковали меня два раза. Здорово отбили мы вторую атаку 2-х рот с артиллерией. В самом начале боя был ранен шрапнелью в спину корнет Кулаков. Он прибыл, если помнишь, с маршевым эскадрон, когда Ты была у меня в Лахони на последнем отдыхе, и был назначен в 5-й эскадрон. Кроме него у меня было потерь: 2 убитых, 4 раненых и 1 пропал без вести, и немцам хорошо досталось. За это дело Кулаков представлен к Анненскому темляку — я вчера писал ему об этом, а я к следующей очередной — чуть ли не к Владимиру.

Кулаков эвакуирован в Петроград. Рана вероятно не очень тяжелая, т.к. поместился он не в госпиталь, а у своей сестры г-же Кузьминой, на Серпуховской ул. д. 31. кв. 13, это совсем недалеко от Антона. Позвони, пожалуйста, ему по телефону, а если надо то напиши, что я просил Тебя узнать скоро ли он попадет в полк и может ли привезти мне посылку — те вещи о которых я тебе писал. Главное мне — сапоги. Попроси его зайти — расскажет как мы живем. Мальчик он симпатичный и жил все время со мной вдвоем.

Сегодня утром уехал в Петроград держать экзамен на корнета наш прапорщик из запаса Броневский. Он 4-го эскадрона, мы с ним в дружеских отношениях, он даже просился в 5-й эскадрон. К сожалению, я не знал еще вчера, что Ты в Петрограде, а то поручил бы ему передать Тебе письмо.

Олсуфьев приехал, Зундблат уехал, обстановка в полку сразу прояснилась. К сожалению, Олсуфьев еще не вполне выздоровел и вероятно через неделю-другую поедет долечиваться. Но он хлопочет, чтобы за него остался Розенблюм. Дай-то Бог...

Р. С. Имя отчество Кулакова — Георгий Николаевич».

Из письма от 15 мая 1915 г.

«... Вероятно, скоро Олсуфьев вновь и окончательно, в отставку по болезни, но есть надежда, что Зундблат к нам не явится. Дай-то Бог. Мы все просто изголодались по порядку и ждем — не дождемся, чтобы явился кто-нибудь способный его восстановить³².

Вчера я целый день писал на машинке бумажки по делу Олсуфьева, о его болезни, производстве в генералы, назначении на какую-нибудь тыловую — нестроевую должность. Заодно отщелкал на машинке адреса на пачке конвертов...»

Из письма от 17 мая 1915 г.

«Милая моя Норинька, полевая почтовая контора нашего корпуса куда-то уехала и мы сидим уже неделю без писем и когда их получим — разве Богу известно. Говорят, что отсюда письма идут без задержки, так что может быть Ты получаешь мои аккуратно....

Мурзин купил себе фотографический аппарат, снимает всех с горячностью начинающего фотографа. Иногда выходит хорошо. Когда отпечатает — пришлю Тебе свой портрет...»

Из письма от 19 мая 1915 г.

«Милая моя Норинька, получил Твое письмо от 4-го. Во-первых, не огорчайся и не думай, что те неприятности, о которых я Тебе писал, происходят из-за Тебя. Корень здесь в личных отношениях моих и других офицеров, как раз тех которые мне ближе, с Зундблатом. Ты может быть помнишь что еще до моего отъезда в Школу, его в полку не терпели. А когда он случайно оказался командующим полком, он принялся, со свойственной ему низостью, сводить со всеми счеты.

Ну да теперь, слава Богу, он убрался и это отошло. Надолго ли — покажет будущее, а пока отдыхаем от него...

Посылку высылай скорее — сейчас мы в очень благоприятных условиях относительно почты: письма доходят в пять дней, а посылки в семь, из Петрограда. Но в будущем может опять изменится к худшему...

Жара у нас стоит анафемская, но по ночам бывает холодно — вероятно пропадут завязи яблок и вишен...»

Из письма от 22 мая 1915 г.

«...Трантц шлет Тебе поклон и поздравляет с тремя орденами, которые я получил. Ордена эти: Анна 4-й степени, Станислава 3-й степени и Анны 2-й. Так что теперь у меня и клюква³³ есть, и на шее³⁴, кроме двух Людмил³⁵, будет Анна³⁶. Твое счастье, что Людмилы выше Анны, для меня, а то по правилам ношения орденов, с получением старших боевых орденов, младшие боевые переносятся за борт, а не боевые снимаются. Мои Людмилы — боевые.

19-го, 20-го, 21-го я сидел в окопах, потому не писал четыре дня. 19-го на 20-е ночью немцы снова полезли было на нас, пальба продолжалась часа два с лишним, пока они отступили. 21-го немцы орали “Ура” в своих окопах и открыли огонь из пулеметов и винтовок. Вероятно, это они ликовали по случаю взятия Перемышля³⁷. Но мы их скоро успокоили. Жду на этих днях некоторой перемены в своем положении. Крестовоздвиженского скоро производят, освободится 3-й эскадрон. Будберг (Бурхард) вероятно на днях приедет. Возможно, что я приму или должность адъютанта, или эскадрон...»

Из письма от 28 мая 1915 г.

«Дорогая моя Норинька, писем от тебя все нет и нет! Третью неделю сидим без полевой конторы и когда она прибудет и когда начнем получать письма — совершенно неизвестно. И это целый отряд из нескольких полков так сидит...

А у немцев почту каждая рота получает три раза в сутки. И все у нас так, пока лично не вмешается сам Великий князь³⁸. И действительно, ему приходится лично вмешиваться в подобные пустяки, иначе никто палец о палец не ударит из тех, чья это прямая обязанность. Чтобы далеко не ходить, сошлюсь на вопрос о боевых наградах — личный приказ Верховного

Главнокомандующего положительно оживил нас, строевых, а то уже складывалось убеждение, что строевым офицерам и нижним чинам никогда ни одной награды не пройдет...

За посылку большое спасибо — сапоги отличные и в пору, все остальное тоже хорошо.

Живем мы по-прежнему, только в окопах сидеть приходится больше — скучно это уж очень, да и сыро там, несмотря на то, что сейчас здесь стоит засуха и жара.

Олсуфьев на днях уезжает лечиться в Крым. Мож[ет] быть предварительно заедет в Петроград. Никто о его уходе не жалеет, все надеется, что без него настанет порядок, кончатся интриги и устраивание своих делишек. Дай-то, Бог.

Мурзин тут нас наснимал. Я сегодня напечатал по нескольким его негативам, те на которых есть мой портрет. Если завтра успею отфиксировать, pošлю Тебе в Вильно...»

Из письма от 30 мая 1915 г.

«Дорогая моя Норинька, есть надежда что завтра вечером получим почту. За три недели накопилось вероятно много. Ну и безобразия же такая «заботливость», что по три недели не возят писем и вдобавок части станций на месте...

Посылаю Тебе фотографию: Миша Волк.[овский], я, Иванов Павлуша и Помидор (наш ветеринар). Костюмы не вполне приличны — ну да на бездамые при здешней жаре только так гулять и можно. Есть еще у меня несколько снимков, буду посылать помаленьку, когда узнаю Твое настоящее местожительство, а то жаль если пропадут. Никакого-то доверия наша почта не внушает!..

Сегодня разбил желтые очки, которые Ты мне прислала; жаль, очень были хороши, но я не догадался Тебе сказать купить к ним футляр.

Так давно не получал от Тебя писем, что не знаю что и писать Тебе. Жизнь наша сводится к изныванию от жары.

Мозги размякли, ни о чем не думается, ночью не заснуть, аппетита нет — одно томленье. Я сильно извожусь, отощал и стал злой — на людей бросаюсь. За неделю сцепился с Олсуфьевым, Звиндом, Леевичем, Зеленко и другими. Впрочем, уже помирились. Олсуфьев в настроении сердечного размягчения, в ожидании разлуки — отъезд назначен на 2-е июня...»

Из письма от 5 июня 1915 г.

«...На днях я получил Твою посылку и, поверь, был глубоко тронут Твоей заботой обо мне, тщательностью, с которой Ты все выбрала, принимая во внимание все мелочные подробности моих указаний. В этом я чувствую любовь ко мне...»

Из письма от 12 июня 1915 г.

«...Передай, пожалуйста, Кулакову, что если он женится, я его поздравляю от всей души, но жену сюда Боже сохрани привозить: и опасно, и невозможно. Теперь такие

пошли строгости, что вероятно ей не удастся доехать даже до Варшавы, а отсюда ее вышлют моментально. Об этом было и в газетах — приказ Верховного Главнокомандующего и затем — приказ по фронту. Из Варшавы всех некоренных жителей уже выселили, она совершенно опустела и везде строго контролируется — надо иметь особое разрешение военных властей. Тоже самое объявлено и относительно некоторых других городов — Гродно, Белостока и, кажется, Вильны. Боюсь, не встретилось бы и Тебе препятствие для проживания на даче в Вилейке...»

Из письма от 14 июня 1915 г.

«Дорогая моя Норинька, сегодня получил твое письмо от 7 го. Не дай Бог сглазить, только почта на нас стала снова работать довольно исправно — стал получать Твои письма часто и по одному...

В жизни сей ведь все переменчиво и у нас под ногами песок; и не узнаешь, где найдешь, где потеряешь.

Был у нас в полку ротмистр из запаса Гаугер. Человек солидный, симпатичный. Прежде служил в Петергофе в уланах Ее Величества. У нас был с ноября. Недели три назад перевелся в пехоту — в Кавказский гренадерский полк и убит в первом же бою. Жаль его очень — хороший был человек, ровный, ко всем доброжелательный. Вероятно, побудило его к переводу то, что у нас он был младшим офицером, а в пехоте мог в 1–2 месяца получить роту, а затем батальон. Я с ним вместе был в бою 22 апреля, когда командовал сводным сторожевым эскадром, а он взводом от 1-го эскадрона. Это в том деле, когда ранен Кулаков...»

Из письма от 18 июня 1915 г.

«...Третьего дня отпустили «погулять» на неделю Соколова³⁹. Надо будет и мне попроситься. По его возвращении сейчас — же поехать не могу, т. к. 13-го Трانتц уехал лечиться и я не только врем[енно] команду эскадром, но даже и вовсе один в эскадроне, т. к. Зарин пристроился в Штабе дивизии, а Вейканен в качестве следующего поехал в Петроград продавать и покупать новый автомобиль. ... Мне последнее время как-то опять немогутся — нервы, слабость, особенно в жару. Часто голова болит. Видно переутомился и подземная сырость отзывается. Отдохнуть бы несколько дней...»

Из письма от 24 июня 1915 г.

«Дорогая моя Норинька, маленькая надежда есть, что я получу дней на 5–6 отпуск, но только не скоро — может быть после 10-го июля, т.к. пока Трانتц лечится и отсутствует и оставить эскадрон не на кого...

Вчера получил Твое письмо, в котором сообщаем адрес для денежных переводов; поэтому сегодня отправил для Тебя на имя Марии Антоновны 400 рубл. через Плонск, куда

поехал Мурзин за покупками к Полковому празднику (29-го июня). Праздновать будем скромно, только несколько улучшенным обедом, т. к. деньги решили пожертвовать на основание капитала для вспомоществования своим раненым солдатам. Я очень радуюсь — этот капитал был моей всегдашней мечтой, чтобы его основать я затевал издание открыток еще до войны.

Да, Кисок, Ты пишешь, что чуть ли не две недели не получала моих писем. Я промежутков больше 4-х дней не делал, но не пропали ли два письма, в которые были вложены фотографии — на одной я, Миша Волковской и еще двое без кителей, на другой мы в автомобиле. По цензурным условиям они не могли быть задержаны, т.к. ничего кроме наших фигур и кусочка неба и земли под ногами не содержали, но достоверно установлено, что такие же карточки вытащены из письма другого, а Будберг жалуется, что из его писем фотографии систематически выкрадываются.

Я хотел послать еще несколько, но Теперь лучше привезу сам...»

Из письма от 30 июня 1915 г.

«Дорогая моя Нори, сейчас получил Твои письма от 25 и 26-го. Не дай Бог сглазить, а пока отлично ходит почта...

Живем мы по-старому: посидим 3–9 дней в окопах, потом 2–3 дня при лошадях в деревне. Последние дни стало плохо в окопах из-за погоды: ветер и дождь. В ходах сообщений — лужи, на работу вылезешь — ноги мокрые, потом мерзнут. Ночью небо заволочет тучами, темень такая, что в трех шагах ничего не видно — усиленный наряд часовых у проволочных заграждений — все мокнут, мерзнут и негде обсохнуть и обогреться.

В ясные солнечные дни наоборот – в окопах благодать. Целый день можно купаться в озере. Я по 3–4 часа сижу на берегу в костюме праотца Адама, принимаю солнечную ванну. Одно время у меня вся кожа от солнечного ожога болела и слезала слоями, и стал я коричневым, как малаец...

Кто заменит Олсуфьева – пока совершенно нам неизвестно. Новостей в командовании эскадронами никаких нет и не предвидится. Адьютантом утвержден Иванов⁴⁰, я рад, что это один из тех, к которым отношусь с симпатией, но пока у него дела не вяжутся и, к сожалению, мало надежды, что он скоро войдет в свою роль, при своей самоуверенности и нежелании слушать знающих людей. Ну да и то спасибо, что у него в противоположность Бурхарду, есть желание работать и в противоположность графу Козловскому⁴¹ — порядочность личная. Ибо, как теперь оказалось, блистательный граф, изволил подсунуть Олсуфьеву четыре представления к орденам на себя, растратил 1½ тыс. казенных авансов и проболтался больше 2-х мес. в Варшаве, заполучил «болезнь любви», с которой ныне эвакуировался, а в окопы за 4 месяца съездил всего-навсего два раза ... Не дурно “устраиваются” штабные, даже такие “маленькие”, как полковые адъютанты!...

29-го был наш полковой праздник, но мы стояли в окопах и потому не праздновали, а перенесли на сегодня молебен, а вечером будет общий ужин...»

Из письма от 1 июля 1915 г.

«...Отпраздновали мы наш праздник весело — пели, танцевали, был «роскошный» ужин с гостями — персоналом отряда Красного Креста: 4 доктора, молокосос-уполномоченный и две милые сестрицы. Одна из них консерваторка, отлично играла на рояле. Довеселились до 2-х часов ночи, а к 5 час. выступали. Что это был за переход! После бессонной ночи, клюя носом в гриву лошади и под проливным дождем. В конце концов на мне промокло не только мое непромокаемое брезентовое пальто, но и поддетая под ним шинель и даже китель...»

Из письма от 5 июля 1915 г.

«Дорогая моя, Норинька, вероятно некоторое время не буду иметь возможности писать Тебе аккуратно. Часто мы в движении по много часов подряд, например, с 9 час. веч. 2-го до 12 час. ночи 3-го прошли 112 верст, с одной остановкой на три часа. А вьюки и почтовую бумагу получил только сегодня утром, а не видал их с обеда 30-го...

Увы и ах! На отпуск нет больше никакой надежды в ближайшие недели. А и устал же я вдребезги — как полежу, так с трудом встану...»

Из письма от 9 июля 1915 г.

«Не успел, дорогая Норинька, дописать письма и послать было негде — все переходы, ночи все в седле, ружейная и пулеметная пальба и проч. Вчера ночью пережили мы с Шурой Разумовым прескверные четыре часа под градом чемоданов — как-то Бог помиловал!.. Вообще положение бывает тяжелое...

Я все продолжаю командовать эскадроном, т.к. Трантц, выздоровевший было, заболел снова, другой болезнью из той же категории. Уехали в тыл и Зеленко с Агаларовым, как всегда заболевающие при наступлении тяжелых дней. Я не падаю духом, хотя устал страшно. Не приходится спать больше 2–3-х час. уже почти две недели. Особенно страдают ноги от ходьбы по окопам да позициям... Но все это ничего, а вот тяжело, что каждый день дает впечатление, что до окончания войны нужно накинуть еще и еще месяцы. Когда же мы будем наконец вместе, Кисок мой?...»

Письмо от 17–18 июля 1915 г.

«Милая моя Норинька, 16-го получил Твою телеграмму из Белостока слишком поздно для того, чтобы ехать, если бы к этому представлялась хоть малейшая возможность. Но возможности нет — даже больных не отпускают до последней крайности.

Бои у нас идут непрерывно, причем нас перебрасывают из одного места на другое. 7-го, 11-го 15-го ранены и эвакуированы: фон Польшан, Тимофеев, Языков и пропал (вероятно, убит) ротмистр Баскаков, контужены и остались в строю: Руссов и Звинде⁴². Нижних чинов потеряли более 78 чел. Все больше деремся в пешем строю. 15-го здорово атаковали и сбили немцев с железнодорожной насыпи близ Говорова. Да ст Бог, Варшаву не отдадим: на Наревском фронте, по крайней мере, его задерживаем успешно.

7-го выдержали ураганный артиллерийский огонь в течение почти суток. По моему участку ночью четыре часа гвоздили чемоданы. Отослал лошадей за восемь верст, сами зарылись в землю и удержались на месте.

Наши драгуны становятся молодцами и в пешем, новом для нас, деле. Конечно, офицеры должны быть впереди — таков наш солдат...

18 июля

Вчера, милый Кисок, не успел дописать, на полуслове прервали артиллерийские снаряды, вдруг посыпавшиеся на деревню. У меня во дворе разорвалось три, поранив двоих моего эск-на. Пришлось моментально бросать вьюк, только за два часа перед этим подошедшим, а то уже шесть дней его не видел, почти не мылся, а не брился с 2-го июля.

Не обижайся и не беспокойся напрасно, что пишу редко и так мало — мысли не работают. Как то все мысли, все силы физические и нравственные обращены на то, что творится кругом, на эту бесконечную пальбу, рвущиеся снаряды, рытье бесконечных окопов, перебежки, ползание на животе, подбирание убитых и раненых. Пожалуй, даже как-то тяжело обращать свою мысль на дом, на близких, ибо с ними связано сознание, что меня убьют или искалечат и там — дома будет горе.

Между тем, хочется чтобы это было совсем просто, как с сотнями тысяч незаметных солдат, которых так просто зарывают в землю под общий крест или перевязывают и увозят. И они сами и те, кто это делает, совершенно спокойны, и неприятно думать, что дома не будут спокойны.

Будь же спокойна, Кисок; Ты и Милушка всегда, каждую секунду живете в моем сердце, несмотря на то, что в мыслях часто не остается места для вас. С вами — светлое будущее, о котором мечтаю и в этих бесформенных мечтах черпаю силы.

Целую вас обеих.

Твой Ник. Т.»

Из письма от 20 июля 1915 г.⁴³

«...Я писал Тебе, что у нас на фронте идут бои, с каждым днем разгораются сильнее. И немцы и мы получаем подкрепления, пока более или менее держимся, обе стороны на своих местах, так что исход еще нельзя предвидеть. У нас большие потери в полку — 4 раненых

**Газетное извещение о смерти Н. А. Томишко
и месте его захоронения (1915 г.)**

(все нетяжело), в том числе Крамарев, слегка контуженный в ногу и получил ожоги бока от пожара в окопе (эвакуирован в Петроград) и Тимофеев довольно сильно контужен. И один ротмистр из запаса — Баскаков (прибывший в полк вместе с Кулаковым) пропал без вести в то время как 6-й эскадрон садился на коней под пулеметным огнем...

Будь здорова, не волнуйся, береги себя и Милушку, даст Бог, все обойдется благополучно и в будущем придут светлые дни. Целую вас обеих — жаль, что не удалось увидеться. Передавай мои поклоны Марии Антоновне и Розе.

Твой Ник.Т.».

Семейный архив Сидоровых-Томишко (Санкт-Петербург-Пушкин).

¹ Сидорова Э. Архитектор Антон Осипович Томишко // Ежегодник Общества братьев Чапек. СПб., 2007. С. 76–80.

² Перов Л. В. Классик тюремного зодчества // История Петербурга. 2004. № 6. С. 55–60.

³ История полка идет с 1783 г. Свое название 6-й драгунский Глуховский полк получил после слияния в 1859 г. с Новомирским драгунским полком. Полковой праздник 29 июня, день Св ап. Петра и Павла. С 1866 г. полк квартировался на территории Польши в г. Остроленке, который находился в 130 км на северо-восток от Варшавы. Первый век истории полка наиболее полно представлен в книге: *Максютенко А.* Краткая история Глуховского полка. Варшава, 1898.

⁴ Частично, в сильно сокращенном и отредактированном варианте, письма Н. А. Томишко были опубликованы ранее на страницах периодических изданий Санкт-Петербурга: *Гаврилина С.* Милая моя Норинька // Невское время. 2005. 4 марта; *Дылева Е.* Письма штаб-ротмистра с Первой мировой войны: «Очень тянет меня к вам — давно уж не виделись...» // Час Пик. 2009. 1-7 июля; *Дылева Е.* Крест деревянный иль чугунный // Новая газета. 2010. 8 апреля.

⁵ Норинька — уменьшительное от Элеоноры, имени полученном при рождении Е. Л. У. Шляжис, до ее перехода в православие.

⁶ Речь идет о Лодзинской операции 11 ноября-19 декабря 1914 г.

⁷ Шингарев А. И. (1869–1918), кадет, член 2–4 Государственных Дум, министр земледелия, позднее финансов в первых составах Временного правительства. А. И. Шингарев имел двух братьев: Михаила, покончившего собой в 1891 г., и Николая (р. 1885), сотрудника энтомологического отделения института им. Па-

стера. Сын последнего, Д. Н. Шингарев, выпускник Николаевского кавалерийского училища, был расстрелян ВЧК в 1918 г. за принадлежность к антибольшевистской организации Б. В. Савинкова «Союз защиты Родины и Свободы».

⁸ Шольц-фон-Ашерслебен Георгий — поручик 6-го драгунского Глуховского полка. Награжден 19 марта 1915 г. за отличия в делах против неприятеля орденом Св. Анны 4 ст., с надписью «За храбрость».

⁹ Наиболее близкие отношения из братьев Волковских были у Н. А. Томишко с поручиком Михаилом Волковским. Также следует упомянуть Петра Волковского, который за боевые отличия был награжден орденами Св. Анны 4 степени с надписью «за храбрость», Св. Станислава 3 ст. (19 марта 1915 г.). Позднее награжден орденом Св. Анны 3 ст. (10 июня 1915 г.).

¹⁰ Зундблат (Зунблат) Евгений Александрович, подполковник 6-го драгунского Глуховского полка. Его брат Александр, в 1900 г. окончил Академию Генерального штаба, что, видимо, в значительно степени способствовало продвижению по службе младшего брата.

¹¹ Кулаков Георгий Николаевич — офицер 6-го драгунского Глуховского полка.

¹² «Имени Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Феодоровны поезд-бани Ведомства путей сообщения для воинов действующей армии» включал в себя вагоны-бани, прачечные, дезинфекционные сушильни, и т.д. и был рассчитан на эксплуатацию до 2000 человек в день. О различных видах железнодорожных составов и перевозках во время первой мировой войны см.: *Сенин А. С.* Генерал С. А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в Первую мировую войну // *Новый исторический вестник*. 2013. № 38. С. 88–124.

¹³ Новополоцк.

¹⁴ Трантц Федор Карлович — офицер 6-го драгунского Глуховского полка.

¹⁵ Полковые обозы с целью эшелонирования транспортных средств и запасов делились на две части (разряда). Непосредственно вслед за полком следовал обоз 1-го разряда, в котором находились предметы первой необходимости. Полковой обоз 2-го разряда, находившийся обычно в 7-8 верстах от переднего края, включал повозки предназначенные для доставки на место ночлега войск провианта, фуража, запасных вещей, письменных дел, казны и т.п.

¹⁶ Имеется в виду А. Е. Зундблат.

¹⁷ Олсуфьев Владимир Александрович (1860 – после 1928 г.), полковник, командир 6-го драгунского Глуховского полка с 13 июня 1912 г. по 7 июня 1915 г. Пожалован за отличия в делах против неприятеля орденом Св. Владимира 4 ст. (1914). В дальнейшем комендант Петроградского городского лазарета №237 (с 27 мая 1915 г.). Ген-майор (пр. 2 апреля 1917 г.; за отличие). Позднее в эмиграции. В момент написания письма находился на лечении от подагры.

¹⁸ Плотная ткань полотняного переплетения из шелка дикого дубового шелкопряда.

¹⁹ Поселок Войсковицы в 11 км от Гатчины.

²⁰ Розенблюм Виктор Сергеевич — подполковник 6-го драгунского Глуховского полка. Пожалован Главнокомандующим армиями фронта 19 апреля 1915г. за отличие в делах против неприятеля орденом Св. Станислава 2 ст.

²¹ Тимофеев-Ефанов Иларион Георгиевич — поручик 6-го драгунского Глуховского полка. Награжден за отличия в делах против неприятеля орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3 ст. (19 марта 1915г.).

²² Фольварк — усадьба, мыза.

²³ Гаугер Александр-ротмистр 6-го драгунского Глуховского полка. Позднее награжден командующим 1-й армией за отличия в делах против неприятеля орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (1 января 1916 г.).

- ²⁴ Крамарев Федор Иванович — офицер 6-го драгунского Глуховского полка.
- ²⁵ Мурзин Валерий Александрович — офицер 6-го драгунского Глуховского полка.
- ²⁶ Агаларов Фахрат-Беки — ротмистр 6-го драгунского Глуховского полка.
- ²⁷ Барон Будберг Бурхард Карлович — штабс-ротмистр 6-го драгунского Глуховского полка. Назван так, чтобы не путать со служившим в полку его братом Николаем. Пожалован, наряду со многими другими офицерами полка, командующим армией 19 марта 1915 г. за отличия в делах против неприятеля орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость».
- ²⁸ Крестовоздвиженский Михаил Иванович — ротмистр 6-го драгунского Глуховского полка, в мае 1915 г. произведен за отличия в подполковники.
- ²⁹ Зеленко Михаил Михайлович — ротмистр 6-го драгунского Глуховского полка. Пожалован за отличия в делах против неприятеля орденом Св. Владимира 4 ст.
- ³⁰ Возможно, Николай Петрович Лорретов — офицер 6-го драгунского Глуховского полка.
- ³¹ Крамарев Федор Иванович — офицер 6-го драгунского Глуховского полка.
- ³² Зунблат произведен на вакансию в полковники с переводом в 6-й гусарский Клястицкий полк (6 мая 1914 г.).
- ³³ На военном жаргоне знак к ордену Св. Анны 4-й ст. для ношения на холодном оружии.
- ³⁴ Анна на шее — крест ордена Св. Анны 2 степени, носившийся на шее на ленте шириной 4,5 см, отсюда и известное «название» награды.
- ³⁵ Н. А. Томишко имеет в виду свою жену и дочь.
- ³⁶ Штабс-ротмистр 6-го драгунского Глуховского полка Н. А. Томишко был пожалован за отличия в делах против неприятеля орденом Св. Анны 3 ст. 10 июня 1915 г.
- ³⁷ Австрийская крепость Перемышль, ранее взятая русскими войсками 9 марта 1915 г. была ими оставлена 21 мая 1915 г.
- ³⁸ Великий князь Николай Николаевич Романов — Главнокомандующий русской армией в 1914–1915 гг.
- ³⁹ Соколов Николай Викторович — поручик 6-го драгунского Глуховского полка. Пожалован командующим 1-й армией за отличия в делах против неприятеля орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» 1 января 1916 г.
- ⁴⁰ В полку служили офицерами Павел и Александр Дмитриевичи Ивановы.
- ⁴¹ Козловский Владислав — поручик 6-го драгунского Глуховского полка. Пожалован командующим армией за отличия в делах против неприятеля орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (19 марта 1915 г.). Позднее награжден орденом Св. Анны 3 ст. (10 июня 1915 г.).
- ⁴² Звинде Ян Давидович — штабс-ротмистр 6-го драгунского Глуховского полка. В 1914 г. пожалован за отличия в делах против неприятеля Св. Анны 3 ст с мб. (1914). Награжден за отличия в делах против неприятеля орденом Св. Станислава 2 ст. (10 июня 1915 г.).
- ⁴³ Последнее письмо Н. А. Томишко.

Сидорова Э. М., Ратьковский И. С. Военные письма 1914–1915 гг. штабс-ротмистра Н.А. Томишко (Из петербургского семейного архива) // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 209–231.

‘Staff-Captain of Cavalry N. A. Tomishko’s Military Letters 1914-1915 (From Tomishko-Sidorov Family Archive)’

Publication by E. M. Sidorova and I. S. Ratkovskiy

AUTHORS: Sidorova E. M — hi4kok@mail.ru | Ratkovskiy I. S. — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); il-67@yandex.ru

REFERENCES:

- ¹ Sidorova E. ‘Arxitektor Anton Osipovich Tomishko’ in *Ezhegodnik Obshchestva brat’ev Chapek* (St. Petersburg, 2007).
- ² Perov L. V. ‘Klassik tyuremnogo zodchestva’ in *Istoriya Peterburga*, 2004, no. 6.
- ³ Maksyutenko A. *Kratkaya istoriya Gluxovskogo polka* (Warsaw, 1898).
- ⁴ Gavrilina S. ‘Milaya moya Norinka’ in *Nevskoe vremya*, 2005, 4 March.
- ⁵ Dyleva E. ‘Pisma shtab-rotmistra s Pervoj mirovoj vojny: «Ochen’ tyanet menya k vam — davno uzh ne videlis’...»’ in *Chas Pik*, 2009, 1-7 July.
- ⁶ Dyleva E. ‘Krest derevyannyj il’ chugunnyj’ in *Novaya gazeta*, 2010, 8 April.
- ⁷ *Senin A. S. ‘General S.A. Ronzhin i ego ocherk o rossijskix zheleznyx dorogax v Pervuyu mirovuyu vojnu’ in Novyj istoricheskij vestnik*, 2013, no. 38.